

Историческая культурология

DOI 10.34685/ИИ.2021.76.36.020

Пархоменко Т.А.

Проблема создания национально-культурной автономии русского населения Латвии в период образования независимой буржуазной республики (1920-1930 гг.)

Аннотация: В статье анализируется изменение положения русского населения Латвии в период формирования ее государственной независимости и создания буржуазной республики 1920-х годов. Исследуются понятия: «русское и русскоязычное меньшинство» Латвии, граждане и неграждане республики, «иноплеменники», беженцы, эмигранты. Освещаются вопросы численности и состава русского населения Латвии, его доли в русскоязычной части жителей республики, уровня образования, степени культурной институционализации, характера профессиональной занятости, роли и места в новом демократическом государстве, организационной и политической сплоченности, отношения к латвийскому правительству, белому движению и большевистскому режиму РСФСР. Рассматривается изменение положения русского меньшинства Латвии в ходе ее этнонационализации. Делается вывод о том, что процесс превращения Латвийской республики в мононациональное государство латышей и для латышей сопровождался активной дерусификацией, в результате которой происходило значительное сокращение русского присутствия в этой балтийской стране.

Ключевые слова: Россия, РСФСР, Латвийская Республика, русское население, первая мировая война, Брестский мир, Меморандум по балтийскому вопросу, Рижский мирный договор, закон о гражданстве, договор о реэвакуации беженцев, этнонационализация, дерусификация.

Распад Российской империи и создание после Первой мировой войны нового государства – Латвийской республики породили проблему положения ее национальных меньшинств, в частности, русского населения Латвии, которая стала предметом обсуждения в различных

органах государственной власти, обществах и собраниях, средствах массовой информации. Как писал «Рижский вестник» 20 апреля 1920 г., война и революция уничтожили «фетиш великодержавности» и заменили его «принципом самооценности малодержавия». Он был положен в основу нового законодательства, в т.ч. «Закона об устройстве школ национальных меньшинств в Латвии», принятого 8 декабря 1919 г. и в обиходе называвшегося законом о культурно-национальной автономии, который дал право русскому, немецкому, польскому, еврейскому населению обучаться на родном языке и, следовательно, сохранять и развивать свою национальную культуру.

Русское образованное общество приветствовало этот закон. На основе его седьмой статьи был создан Русский отдел Министерства образования Латвийской республики, имевший право представлять интересы русского населения в кабинете министров как по вопросам устройства и работы национальных школ, так и деятельности различных учреждений культуры, а также Русской православной церкви, закон о которой был принят в 1926 г. Поскольку русское население Латвии 1920-гг. – «это не переселенцы и не беженцы, это жители “острова”, оторвавшегося и приставшего к другому материка, где невредимыми остались люди, города и села...» [1], постольку Латвийской республике досталась созданная еще при царизме русская социокультурная инфраструктура, включавшая самые различные учреждения и организации.

Центром русской культурной жизни была Рига, где существовали Русский клуб, Союз русских учителей, Русские педагогические курсы под руководством директора Е.М.Тихоницкого, который в 1920 г. возглавил также Центральный союз русских просветительных обществ, русские гимназии, учительские семинарии, ремесленные, мореходные, духовные училища, русские издательства, газеты и журналы, русские театры, Русское театрално-художественное общество и др. В мае 1922 г. по приглашению латвийской стороны в Ригу приехал В.В.Маяковский, рассказавший об этой поездке в стихотворении «Как работает республика демократическая?», и в поэме «Люблю», опубликованной в том же 1922 г. в Риге издательством «Арбетергейм» под грифом «Международной ассоциации футуристов». А с 1925 г. в Риге стали проводиться «Дни русской культуры» с литературно-музыкальными вечерами и гуляньями. Наконец, в 1938 г. Латвию посетил нобелевский лауреат по литературе И.А.Бунин, встреченный с почестями и любовью. Как писала о том времени родившаяся в Риге в семье царского чиновника И.Е.Сабурова, мы были «национальным меньшинством с полной культурной автономией (свои школы, государственные и частные, церковь, печать, театр, представители в Сейме, организации и, наконец, целые области, населенные русскими хуторянами)», благодаря которой «русские полностью сохранили в течение этих лет свой язык, культуру и всячески развивали ее» [2].

Однако не все было так радужно и однозначно в существовании культурно-национальной автономии, которая, как известно, является формой национально-культурного самоопределения группы людей, принадлежащей к определенной этнической общности и находящейся на территории какой-либо страны в качестве национального меньшинства. Оно формируется на базе общности языка и этнической культуры, не принадлежит к титульной нации и выступает в

качестве общественного объединения. Но насколько возможным было такое объединение в условиях тотального русского раскола: между старообрядцами, которых в Латвии было большинство, православными московского патриархата и атеистами, верхами и низами, демократами и монархистами и т.д.? В императорской России их объединял высокий статус державообразующего народа и «политической нации», который с распадом империи был утрачен и заменен простым этническим меньшинством, состоявшим, как говорили латыши, из «иноплеменников» («sveštautiešu» «citstautieši») [3].

Следствием подобной идентификации стала острая дискуссия на тему «кто такие русские, кого включать в русское меньшинство и как ему жить в новых условиях Латвийской республики?» Она рассматривалась с разных сторон: численности и состава русского населения Латвии, доли в нем коренных жителей и приезжих (беженцев и эмигрантов), а также русскоязычных граждан, вероисповедания, уровня образования и культуры, степени и характера профессиональной занятости, организационной и политической сплоченности, роли и места в Латвийской республике, отношения к ее власти и правительству, а также к большевистскому режиму РСФСР и др. Наиболее дискуссионными были вопросы о «русском и русскоязычном населении», «русской национальной идентичности» и «русском национальном сознании», от интерпретации которых зависела не только жизнь русского национального меньшинства, но и судьба его культурной автономии.

Главными критериями определения национального меньшинства, в т.ч. русского, были язык, родной и обыденный, и культура. И хотя нередко прямая связь между владением русским языком и принадлежностью к русскому народу отсутствовала, в результате чего среди русскоязычных жителей Латвии имелось немало представителей других этносов и народов, выбранные критерии давали возможность получить определенную картину русского присутствия в Латвийской республике. Тем более что сама русская нация всегда формировалась не столько по крови, сколько по вере, культуре и ее основе – языку. А в Остзейском крае царской России (Прибалтике) еще в XIX в. в учебных заведениях было введено обязательное изучение русского языка как государственного языка Российской империи и использование его (вместо немецкого языка) во всех официальных учреждениях края, что заставляло коренное население Балтии (латышей, литовцев, эстонцев, немцев, евреев) быть грамотным и многоязычным. По уровню грамотности три Прибалтийские губернии занимали в Российской империи лидирующие позиции, и, например, среди остзейских новобранцев 1896 г. неграмотных было всего 4,7%, тогда как в остальных регионах страны они составляли 59,8% [4].

Особенно выделялись по уровню образования и культуры города Прибалтики, в т.ч. столица Латвии – Рига, где «в начале XX в. работали Польское общество просвещения, Латышское просветительное общество, Еврейское общество распространения просвещения, немецкое Трактатное общество, Русский литературный кружок с комиссией народных чтений и Русское общество просвещения» и другие подобные организации, а также различные учебные заведения [5]. Среди них было немало русских школ, однако парадокс заключался в том, что русская

молодежь составляла в них меньшинство. Например, в Русской городской гимназии, Реальном училище и в женской гимназии Л.И.Тайловой города Риги, по данным газеты «Воля», опубликовавшей 22 и 23 июня 1920 г. списки их выпускников, основная масса учащихся не являлась этнически русской. Очень мало русских учеников посещало и Рижские краткосрочные курсы Д.Левина, имевшие право выдавать своим выпускникам аттестаты зрелости. Преподавание на этих курсах велось на русском языке, но подчинены они были еврейскому отделу Министерства образования Латвии, что указывало на большую заинтересованность еврейской молодежи в русском образовании и культуре.

Преобладание в русских учебных заведениях этнически нерусского населения частично объяснялось тем, что, как отмечала та же газета «Воля», в послевоенной Риге собственно русские составляли всего 5,3% или 9618 человек, евреев было 24721 или 13,63%, немцев – 28571 или 15,75%, латышей 99580 или 54,89% всего населения города [6]. Похожая картина была и в других городах Латвии: в Либаве русских насчитывалось 1195 против 5721 немца, 9671 еврея и 26031 латыша, а в Митаве русских было всего 493 человека, тогда как евреев имелось 1524, немцев 2350, латышей 13852 [7]. Однако не только в малом числе русских жителей городов Латвии было дело.

Простое русское население Латвии, включая детей, было занято в основном тяжелым физическим трудом и по причине малого дохода и низкого социального статуса не имело возможности получать образование. Среди русских Латвии лишь треть знала грамоту, тогда как у немцев, евреев и латышей показатели грамотности находились в пределах 70-90%; кроме того, если русские жители владели в основном только одним, русским, языком, то латыши, немцы, евреи говорили на двух-трех языках, в том числе русском [8]. Например, на первом заседании вновь избранного Совета Рижской еврейской общины, состоявшемся 16 мая 1920 г., речи произносились на еврейском, немецком и русском языках [9]. Еще хуже среди русского населения было дело с гимназическим обучением. Так, на одну тысячу жителей Латвии гимназию посещали 39 евреев, 27 немцев, 12 латышей и только 7 русских [10].

Положение усугублялась еще и тем, что в Первую мировую войну в связи с массовой эвакуацией промышленных предприятий и их специалистов многие образованные русские и русскоязычные жители Латвии покинули ее. Вглубь Российской империи были вывезены и многие учебные заведения, например, Ломоносовская гимназия, Рижский политехнический институт, Рижская духовная семинария. В результате сложилась ситуация, когда этнические русские составляли меньшинство не только среди городского населения Латвии, но и среди его образованной, социально преуспевающей части, представленной в основном немцами, евреями и латышами. Достаточно сказать, что русских студентов в рижском университете (Высшей школе Латвии) в 1919-1920 уч. г. было всего 20 человек; правда, в 1924-1925 уч. г. оно выросло до 109 человек, а в 1936-1937 уч. г. до 188 человек, но это увеличение произошло в основном за счет русской эмигрантской молодежи, а не коренных жителей [11].

Низкий социокультурный уровень значительной части этнического русского населения Латвии превращал его в пассивное меньшинство, голос которого был едва слышен даже в городах со значительной долей русских жителей, например, в Режице (Резекне), в городской думе которой заседали 15 евреев, 8 латышей и 7 русских депутатов [12]. Русские жители Латвии стремились в основном не к культурно-национальной автономии, а к единению со всем населением страны. Русские и русскоязычные издания, например, газета «Рижский день» или Рижская торгово-промышленная газета писали про руководство Латвии «наше правительство», а газета «Воля», созданная зимой 1920 г., в своем первом номере от 13 февраля заявила о том, что ее целью является давать информацию, интересную всем слоям, этносам и группам населения Латвии, сообщать те сведения, которые бы не обостряли отношения между ними, а сплачивали их под девизом «Всем обо всем» [13]. На такой же платформе стояла и эмигрантская газета «Сегодня». Данный подход, с одной стороны, определялся коренной чертой русского народа – желанием и умением впитывать другие культуры, интегрировать их, использовать в целях развития, но, с другой стороны, желание быть всеобщим «коммуникационным форумом» противоречило интересам формирования культурно-национальной автономии.

15 июня 1920 г. в Латвийской республике состоялась общая перепись населения, призванная определить послевоенную численность и состав ее жителей. Она показала, что в целом по республике русские среди национальных меньшинств занимали первое место – 5,7%, за ними шли евреи – 5%, белорусы – 4,1%, немцы – 3,6%, поляки – 3,3%, литовцы – 1,6%, эстонцы – 0,5%, наконец, 3,5% составляли «другие национальности, в т.ч. неустановленные» [14]. Среди них могли оказаться как военные беженцы, так и раскольники, которые идентифицировали себя не по национальности, а по вере, говорили на старорусском языке и на вопрос о своей этничности отвечали «старообрядцы» [15].

Определив, что более четверти населения составляют «иноплеменники», правительство Латвийской республики издало 2 июля 1920 г. постановление, которое на основе установленного «Законом о гражданстве» (от 23 августа 1919 г.) критерия его получения исходя из времени проживания на латышской земле, разделило население страны, в том числе русское и русскоязычное, на три неравноправные группы. К первой из них были отнесены коренные жители, поселившиеся на латышской земле до Первой мировой войны и прожившие там более пяти лет. Они при условии документального подтверждения своего многолетнего пребывания в Латвии и подаче соответствующего прошения в министерство внутренних дел становились полноправными гражданами республики. Среди русских таковыми были в основном старообрядцы, составлявшие до 80% коренного русского населения Латвии. Им, равно как и другим коренным национальным меньшинствам, давалось право организации национально-культурной автономии, первый шаг к созданию которой был сделан, как отмечалось выше, принятием в декабре 1919 г. «Закона об устройстве школ национальных меньшинств в Латвии».

Ко второй группе населения причислялись те, кто поселился в Латвии во время Первой мировой войны, когда на латышской земле оседало немало беженцев, пришлых людей с Запада и Востока

Европы. Они были названы иностранцами, получили статус неграждан Латвийской республики и были ущемлены в правах. В одной только Риге в 1920 г. «иностранцев и неграждан» насчитали примерно 20 тыс. человек [16]. Постановлением правительства от 2 июля 1920 г. всех их обязали покинуть Латвию до 1 августа 1920 г. Исключение делалось лишь для лиц, состоявших в браке с латышами, а также тех, кто имел собственность, занимался бизнесом или земледельческими работами в своем хуторском хозяйстве, но таких среди русских поселенцев военного времени практически не было.

Наконец, третью группу составили послереволюционные беженцы из Советской России, которые из-за Гражданской войны и классового террора спешно покидали родные места. Власти Латвии подвергали большинство из них аресту и отсеиванию по национальному признаку: латышей отпускали домой в те районы Латвии, где они родились, а всех остальных по договору между РСФСР и Латвийской республикой от 12 июня 1920 г. о реэвакуации беженцев, старались специальными эшелонами или вагонами отправить обратно к большевикам. Положение этих людей было очень тяжелым. Бесправные, обобранные на обеих сторонах российско-латвийской границы, без средств существования, нормальной еды и теплой одежды, они вынуждены были либо двигаться дальше на Запад, либо вернуться туда, откуда бежали – в советскую Россию. Но последнее было невозможно для эмигрантов – противников большевицкого режима, бежавших из РСФСР по идейно-политическим причинам. Их в Латвийской республике к 1 января 1922 г. насчитывалось примерно 16 тыс. человек [17]. Одним из них был, например, сын царского генерала, поэт, публицист А.М.Перфильев, о котором сегодня практически никто ничего не знает, однако написанное им в Риге стихотворение, ставшее романсом «Ах, эти черные глаза», исполняется до сих пор.

Беженцам пытались помочь Международный и Русский Красный Крест, а также существовавшие в Латвийской республике различные организации: «Русское общество самопомощь», Благотворительное общество, «Русское общество в Латвии», «Общество русских врачей» со своей больницей, старообрядческие и православные общины, а с 15 июля 1920 г. – и Особый комитет по делам русских эмигрантов. Позже при содействии Русской академической группы в Риге было создано Русское юридическое общество, издававшее вестник «Закон и суд», Русское национальное объединение и ряд других организаций. Вместе с тем, большой проблемой русских учреждений, равно как и всей институциональной жизни русского населения Латвии, была разобщенность, разъединение по социальному статусу и материальному положению, образованию, культуре и вере, давности проживания на латышской земле, наличию латвийского гражданства и многому другому.

Самый яркий пример связан с русским Национально-Демократическим союзом русских граждан, который был основан весной 1917 г. в Риге и три года спустя благодаря избирательной кампании по выборам в Учредительное собрание Латвии приобрел общелатвийское значение. Весной 1920 г. он создал Русский избирательный комитет, стремившийся на основе принципа «Латвия для латвийских граждан» к выдвижению в высшие государственные органы Латвийской республики ее

коренных русских граждан. Но с такой постановкой вопроса были абсолютно не согласны наводнившие Латвию беженцы и эмигранты, что привело к расколу русского электората на «своих» и «чужих», «коренных» и «пришлых», затронувшего и русские организации (Национально-Демократический союз русских граждан, Особый комитет по делам русских эмигрантов, Русское национальное объединение в Латвии, Русское общество в Латвии), между которыми постоянно возникали конфликты на политической, идеологической и религиозной почве.

Разлад и отсутствие согласия внутри русского населения привели к тому, что на выборы в Учредительное собрание в апреле 1920 г. пришло лишь 13,6 тыс. (из 91,5 тыс.) русских граждан Латвии, часть которых к тому же голосовали не за русский список, а за латышский, немецкий и социал-демократический списки, в результате чего по русскому списку в первый парламент Латвийской республики вместо возможных семи прошли только четыре депутата [18]. Они не стали обособляться и примкнули к общей фракции национальных меньшинств, полагая, что вместе с немцами (6 депутатов), евреями (6 депутатов), поляками (1 депутат) им будет легче проводить политику общегражданского единства, на которой настаивали коренные русские граждане Латвии.

Однако в нестабильных послевоенных условиях сделать это было непросто. Особенно русскому населению, на положение и политическое самоопределение которого влияли, с одной стороны, большевики, от имени РСФСР по сепаратному Брестскому миру в марте 1918 г. передавшие Германии Латвию, а по Рижскому мирному договору 11 августа 1920 г. признавшие ее независимость, а с другой стороны, Белое движение, выступавшее за единую и неделимую Россию и против отделения от нее Латвии. На Парижской мирной конференции 1919-1921 гг. Русская делегация (Русского политического совещания), состоявшая из главы Временного правительства князя Г.Е.Львова, министра иностранных дел С.Д.Сазонова, русского посла во Франции В.А.Маклакова и председателя Временного правительства Северной области Н.Е.Чайковского, в Меморандуме по балтийскому вопросу 1919 г. утверждала: «Прибалтийские провинции не могут жить самостоятельной жизнью... Ввиду чрезвычайной политической и экономической слабости названных хозяйственных единиц Прибалтийского края, им открыт лишь один выход – добровольное их включение в состав Российской Федерации, с гарантированием им самой широкой национальной и культурной автономии и полнейшего самоуправления...» [19]. То есть, Белая Россия в национально-государственном вопросе ратовала не за автономные права русских в составе прибалтийских стран, в том числе Латвии, а за автономию латышей в составе России.

Но молодое Латвийское государство не желало отказываться от своей самостоятельности и все делало для ее укрепления: «Народный совет» Латвии, провозгласивший 18 ноября 1918 г. независимую Латвийскую республику, в марте 1920 г. ввел собственную денежную систему, а 1 мая 1920 г. передал свои полномочия открывшемуся в Риге Учредительному собранию, которое, в свою очередь, после принятия конституции 16 февраля 1922 г. и начала работы первого сейма Латвии 7 ноября 1922 г., передало свою власть парламенту. Параллельно шел процесс

этнонационализации Латвии, превращения в страну латышей и для латышей, который развивался медленно, но неуклонно. Так, в 1922 г. состоялась передача католической церкви православного Алексеевского монастыря вместе с архиерейским домом, а на рижской привокзальной площади была разрушена православная часовня. Отбирались здания и помещения также у светских учреждений культуры, например русских театров, которые затем отдавались латышским организациям.

Дерусификация Латвии приводила к сокращению русского населения, уменьшению числа его школ и организаций, замене русской топонимики латышской и в целом резкому сужению сферы использования русского языка, применение которого в государственном дело- и судопроизводстве было окончательно запрещено в 1932 г., так же как и преподавание русского языка в учебных заведениях страны. При этом русские жители Латвии, большинство которых составляли старообрядцы, соблюдавшие принцип «Богу – Богово, кесарю – кесарево», довольно индифферентно относились к национальной политике латвийского правительства, что позволяло ему, равно как и властям других стран Балтии, как писала 29 мая 1920 г. эмигрантская газета «Последние новости», в «своей борьбе с русификацией идти стопами самодержавия».

Конечно, русская культура не исчезла в Латвии полностью, она сохранялась старообрядцами, развивалась русской интеллигенцией и эмиграцией, о чем наглядно свидетельствовала русская печать межвоенной Латвии, представленная, например, газетами «Голос», «Двинский голос», «Маяк», «Новый голос», «Рижский день», «Рижский курьер», «Русский вестник», «Сегодня», «Слово», историческим журналом «Родная старина», журналами литературы и искусства «Норд-Ост», «Основы», «Перезвоны», педагогическими журналами «Родная школа», «Школьные годы» и др. Однако большинство русских органов печати существовали недолго и быстро закрывались: так, около пяти лет издавались «Слово» (1925-1929), «Перезвоны» (1925-1929), «Школьные годы» (1926-1930), почти два года выходили «Новый голос» (1930-1932), «Норд-Ост» (1931-1932), «Родная школа» (1930-1931), примерно год (1934) существовали «Основы». Самой живучей была газета «Сегодня» (1919–1940), видимо потому, что являлась общелатвийской газетой на русском языке, рассчитанной на всех жителей Латвийской республики.

Латвию покинули многие русские деятели, в том числе те, кто вначале активно помогал становлению новой латышской культуры, например, режиссер-постановщик Дмитрий Арбенин, в конце 1918 г. приехавший в Ригу для создания Латвийской национальной оперы и поставивший на ее сцене немало спектаклей, но потом из-за незнания латышского языка вынужденный уехать в другую страну. В 1934 г. оставил Латвию актер и режиссер М.А.Чехов, два года назад приехавший в Ригу и открывший там театральную студию, и т.д. Одновременно шел обратный поток – приезд в Латвийскую республику латышей, желавших участвовать в национальном строительстве своей родины. Осенью 1931 г. в Латвии на парламентских выборах победу одержали националистические партии, а 15 мая 1934 г. в ходе государственного переворота был установлен националистический авторитарный режим ультраправого правительства К.Ульманиса, покончившего с «проблемой меньшинств».

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Цуриков Н.А.* День русской культуры: Отчет о праздновании «Дня русской культуры» за рубежом в 1925 году. – Прага: [б. и.], 1926. – С. 48.
- [2] *Сабурова И.Е.* Корабли старого города. – Рига: Латв. об-во рус. культуры Даугава, 2005. – С. 3.
- [3] *Рыжакова С.И.* Historica Lettica: национальная история и этническая идентичность : О конструировании и культурном реферировании прошлого латышей. – М.: Ин-т этнол. и антропологии РАН, 2010. – С. 333.
- [4] Грамотность // Большая Энциклопедия : 7-й том. / Под ред. С.Н.Южакова.– СПб.: Просвещение, 1902. – С. 443.
- [5] *Пархоменко Т.А.* Культура России и просвещение народа во второй половине XIX – начале XX века. – М.: Рос. ин-т культурологии, 2001. – С. 73.
- [6] Воля (Рига). 1920. 14 июля. С. 3.
- [7] Воля (Рига). 1920. 28 июля. С. 3; Воля (Рига). 1920. 29 июля. С. 3.
- [8] См.: *Рыжакова С.И.* Русская интеллигенция в Латвийской Республике (1920–1930-е гг.) (по материалам последних исследований) // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: новые документы и материалы : Сб. стат. – М.: Рос. ин-т культурологии, 2001. – С. 87.
- [9] Воля (Рига). 1920. 18 мая. С. 2.
- [10] *Тихоницкий Е.* Русская школа в Латвии // Родная школа. – 1930. – № 1. – С. 6.
- [11] *Abyzow J.I.* Riga: Der lettische Zweig der russischen Emigration // *Schlögel K.* Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. – München: Verlag C.H.Beck, 1994. – S. 130.
- [12] Воля (Рига). 1920. 29 июля. С. 3.
- [13] Воля (Рига). 1920. 13 фев. С. 1.
- [14] *Федотов А.Н.* Национальный состав населения Латвии за 110 лет в зеркале статистики // Русские в Латвии. Вып.1: История и современность. – Рига: Лад, 1992. – С. 54-73. Некоторые исследователи указывают долю русских в 7,8-8,8%, в частности: *Станчинский Г.А.* Русские и балты. – СПб.: СПб. ун-т экон. и финансов, 1994. – С. 90; *Антане А., Цилевич Б.* Латвия. Модель этнологического мониторинга. – М.: Ин-т этнол. и антропологии РАН, 1997. – С. 8.
- [15] См.: *Петроченко К.В.* Русская диаспора в Латвийской республике. 1918–1940 гг. : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Новосибирск, 2006. – 24 с.

[16] Воля (Рига). 1920. 5 авг. С. 3.

[17] Раев М. Россия за рубежом : История культуры русской эмиграции 1919-1939. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – С. 261-262.

[18] Рыжакова С.И. Historica Lettica: национальная история и этническая идентичность... С. 102.

[19] Цит. по: Рыжакова С.И. Historica Lettica: национальная история и этническая идентичность... С. 336-337.

© Пархоменко Т.А., 2021.

Статья поступила в редакцию 10.08.2021.

Пархоменко Татьяна Александровна,

доктор исторических наук,

руководитель Отдела культурологии

Российского научно-исследовательского института культурного

и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Москва),

email: ParchomenkoT@yandex.ru

Parkhomenko T.

The problem of creating a national-cultural autonomy for the Russian population of Latvia during the formation of an independent bourgeois republic (1920-1930s)

Abstract. *The article analyzes the changing the situation of the Russian population of Latvia during the formation of its state independence and the creation of the bourgeois republic of the 1920s. The following concepts are explored: "Russian and Russian-speaking minority" of Latvia, citizens and non-citizens of the republic, "foreigners", refugees, emigrants. It covers issues of the size and composition of the Russian population of Latvia, its percentage in the Russian-speaking part of the republic's inhabitants, the level of education, the degree of cultural institutionalization, the nature of professional employment, the role and place in the new democratic state, organizational and political cohesion, attitude to the Latvian government, to the white movement and the Bolshevik regime of the RSFSR. The change in the position of the Russian minority in Latvia in the course of its ethnonationalization is considered. It is concluded that the process of turning the Republic of Latvia into a mono-national state of Latvians and for Latvians was accompanied by active de-Russification, as a result of which there was a significant reduction of the Russian presence in this Baltic country.*

Key words: *Russia, RSFSR, Latvian Republic, Russian population, World War I, Brest Peace, Memorandum on the Baltic issue, Riga Peace Treaty, citizenship law, refugee re-evacuation agreement, ethnonationalization, de-Russification.*

Parkhomenko Tatiana Aleksandrovna,

D. in History,

Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage
named after D.Likhachev (Moscow)